

«GOOD WAR / ХОРОШАЯ ВОЙНА»

Роберт РАЗМУС	...5
Ричард М. (Ред) ПРЕНДЕРГАСТ	...16
Жак РАБУ	...27
Джон ЭББОТТ	...33
Адмирал Джин ЛЯ РОК	...42
Джон Кеннет ГЭЛБРАЙТ	...48

Перевод с англ. – Т. Чередниченко и О. Никифоров (2010)
по изданию: Studs Terkel. “The Good War”. An oral history of World War Two.
The New Press. N.-Y., London. © 1984 by Studs Terkel.
for presentational & educational purposes only

Ричард М. (Ред) ПРЕНДЕРГАСТ

Я шел по улице и вдруг увидел этого человека, ростом примерно метр девяносто. Он показался мне смутно знакомым. Я хлопнул его по плечу и спросил: «Простите, вы были в 1943 в Форт-Беннинге?» И он ответил: «Да, а ты – Ред Прендергаст». Прошло 39 лет, но я моментально узнал его. Он несколько не изменился. Такой же худой и высокий.

У нас были соседние койки на курсах боевой подготовки. Но судьба распорядилась так, что Боб заболел за неделю до нашей отправки в Европу. Он страшно переживал. Но на самом-то деле, это была самая большая удача в его жизни. (*Смеется.*) Наша группа вошла в 106-ую пехотную дивизию, которую полностью разбили в Арденнской операции.

Высокий сидящий человек, плотного сложения, ширококостный. Он выглядит как бывший игрок в американский футбол, например, форвард. Но вообще-то, он – вице-президент и директор по сбыту чикагского экономического журнала.

Я обслуживал оружие большой дальности. Такое тяжелое вооружение располагают примерно в 450 метрах позади ружей. У меня был миномет калибром 81 мм. Для этого выбирали ребят покрепче. Ведь приходится все время таскать на плече около двадцати килограмм металла. И вдобавок обычное снаряжение.

Мы сменили Вторую дивизию, «Голова индейца». Им пришлось очень несладко. У них было процентов триста потерь! Когда они погибли, на смену пришли новые люди. Но и новые люди продержались недолго. Мы засели в бункерах, ориентированных в неправильную сторону. Это была Линия Зигфрида, немецкие укрепления, направленные на Францию. (*Смеется.*) Так что нам от них было мало толка.

Нас было два полка, растянувшихся на 37 км фронта, что довольно жиденько. Нам сказали, чтоб мы не волновались.

(*Смеется.*) Мы и не волновались. Каждое утро мы стреляли по три обоймы, и еще три – днем. Высылали ночные патрули. Я тоже ходил несколько раз, в основном – скучно. Пару раз брали пленных. В основном это были поляки или венгры, насильно призванные в немецкую армию. Особым энтузиазмом они не отличались. По их словам, немцы стягивали много сил, и у них было море танков. Мы отправляли донесения, но на них, похоже, никто не обращал внимания.

Утром 16 декабря хлынул шквал огня. На нас надвигались все танки Европы вместе взятые, как будто на этих холмах собралась бронетанковая техника всего мира. У нас не было вообще ни одного танка. Вдобавок из-за непогоды не было поддержки с воздуха. Они шли, вообще не замечая наших орудий, им все было нипочем. Нас отрезали от своих, окружили. И мы побежали прочь, по холмам, стреляя во все подряд.

Нас было два взвода, около шестидесяти человек. Мы оказались в огромном лесу – Арденны и Шнее-Айфель, снежные горы. Мы сражались на бегу. У нас не было ни еды, ни транспорта, ни боеприпасов. Да и бежать-то было некуда, потому что немцы были со всех сторон. Когда мы переправлялись через речку, я предложил бросить туда наши минометы, потому что от них все равно никакой пользы не было. Но офицер ответил: «Вы не имеете права портить государственную собственность». (*Смеется.*) Когда мы добрались до следующей речки, я свой миномет все ж выбросил. Вот такие военные мозги.

Мы блуждали по лесу, можно сказать под прицелом у всей немецкой армии, а у меня был лишь «кольт» 45-го калибра. Хотя оружия было предостаточно. Повсюду мы находили убитых солдат. В основном, американцы. По-моему, через мои руки прошли все виды оружия, какое только выпускала Америка. Кончатся патроны, ты бросаешь одно оружие и ищешь себе новое. Однажды я подобрал пистолет-пулемет, вообще, впервые его в руках держал.

Серьезной опасностью были снайперы. Когда немцы захватывали какой-то район, то обычно рассаживали на деревьях этих ребят. (*Смеется.*) Однажды прямо рядом со мной подстрелили майора. Еще один пример военного мышления. По уставу нижний чин должен идти слева от офицера. Поэтому он и приказал мне шагать слева. (*Смеется.*) Ты, мол, будешь моим телохранителем. Но ведь немцы-то тоже знали, что слева – младший чин. (*Смеется.*) И майор получил пулю точно в шею.

Как-то мы натолкнулись на другую группу наших. Мы заметили впереди деревеньку. Тот, кто нами командовал, приказал ее захватить. Мы разделились на мелкие отряды. У нас не было ни прикрытия, ни маскировки, ничего. Мы пошли в атаку на большом открытом пространстве. Нас встретил сильный ответный огонь, мы бросились на землю. Неожиданно кто-то стал размахивать флагом, и оказалось, что деревня захвачена нашими. Мы стреляли друг в друга. Чудовищно. Правда, потери тогда были минимальны. По счастью.

Мы несли с собой раненых, и довольно много. У нас кончилась еда, и мы уже несколько дней ничего не ели. Нас было человек сто пятьдесят. И вот мы оказались в окружении, на вершине заснеженного холма. Мы лежали в снегу, а немцы со всех сторон палили во все что движется. У них была небольшая пушка, 20 или 40 мм. Мы не открывали ответный огонь, потому что ни у кого уже не было боеприпасов. Мы собрали миномет, но стрелять было нечем. Тогда мы опять разобрали его, и я поставил опорную плиту, чтобы за ней спрятаться. Наш второй стрелок, из Пенсильвании, спросил: «Можно, я спрячусь вместе с тобой?» Я конечно согласился. Но не прошло и пяти минут, как ему оторвало ногу. Думаю, он умер от потери крови. Вот такие дела.

Это уже было 19-е. Мы бегали по холмам несколько дней, и в принципе, ничего не достигли. (*Смеется.*) Солнце садилось, было примерно полчетвертого, вдруг поднялся парламентерский флаг и к нам подошел немецкий офицер. В белой форме. Это была элита, отборные войска немецкой армии. Обращаясь к нашему командиру полка, он сказал на безупречном английском: «Вы находитесь здесь уже немалое время, и до сих пор не сделали ни единого выстрела. Мы сильно подозреваем, что у вас нет патронов. Если вы не спуститесь с холма через двадцать минут, то уже не спустится ни один из вас». Наш офицер обдумывал предложение минуты три (*смеется*) и сказал: «Хорошо, ребята, уничтожить оружие». У меня был лишь мой прекрасный «кольт», которым я так дорожил. Пришлось его разобрать и выбросить в снег.

Немцы окружили нас. Они забрали у нас часы, авторучки и все сигареты, которые смогли найти.

«Когда мы сидели в бункерах, пока Арденнская операция еще не началась, нам присылали по блоку сигарет в день на человека. Когда стало понятно, что нам нужно убираться, мы набили кар-

маны сигаретами. У нас были военные ботинки и куртки. Я засунул по четыре пачки с обеих сторон, за обшлага брюк. Как же немцы мечтали заполучить эти сигареты! В лагере, в шталаге, куда мы потом попали, я слышал, что за сто блоков сигарет охранник доведет тебя до голландской границы. Не знаю, правда ли это, потому что ни у кого конечно не было ста блоков. (Смеется.) Но сигарет за моими обшлагами они так и не нашли. Так что в шталаге я и мои приятели были настоящими миллионерами!»

Немцы разозлились, что мы уничтожили наше оружие. Вообще-то, их пистолеты «вальтер П-38» и «люгер» были лучше, но им хотелось получить наши «кольты» как сувениры. Они сняли с меня галоши – и это было самое страшное, что могло случиться. Они их примерили, но они никому не подошли, у меня был слишком большой размер. Тогда они ножом разрезали мои галоши, чтоб те никому не достались. И мы пошли под конвоем в долгий, долгий путь. У меня теперь отмороженные ноги. С октября по май ощущение, словно вообще нет пальцев. Когда такое случается – это уж навсегда.

Был еще парень, с которым мы учились вместе в школе Монт-Кармель. Ему явно нечего было делать в пехоте. Он носил очки с большими толстыми стеклами и еще страдал плоскостопием. Я наткнулся на него по дороге, уже после того, как нас взяли в плен. Я сказал ему: «Держись рядом со мной. Не знаю, что будет. Но если кому-то и суждено выжить, то я – точно выживу. Поэтому держись рядом, и все будет в порядке».

Нас заставляли сходить с дороги и спать в канаве. Я клал на землю свой плащ, затем – пальто. Мы вдвоем ложились на них и укрывались его плащом и пальто. Так было тепло. Однажды ночью я проснулся от холода. Он ушел и забрал свою одежду. Больше я его не видел. Первое, что я узнал, вернувшись домой, я первым делом навел о нем справки – оказалось, он умер от истощения.

Мы шагали по снегу два или три дня. Наверное, не меньше 150 километров. Затем нас посадили в поезд. Вагоны были рассчитаны на сорок человек и восемь лошадей, но они зачихнули в каждый по шестьдесят человек. Немцы могли перемещаться только по ночам, потому что днем американская и британская авиация бомбила все, что движется. Перед отправлением нам выдали по пачке сухого печенья и куску сыра. Это был весь рацион. Предполагалось, что поездка займет немного времени,

но вышло иначе. Союзники постоянно бомбили железную дорогу, и поэтому ремонтные бригады работали не покладая рук. (Смеется.)

На вагонах не стояло маркировки, что там военнопленные. Это выглядело как военный эшелон. И вот, представьте себе, один из знаменитых ночных рейдов Королевских военно-воздушных сил. Они запускают осветительные ракеты и видят наш большой прекрасный поезд, такую отличную мишень. Ох, и задали они нам. Мы не могли выбраться наружу. В вагоне было одно-единственное окно, и оно было опутано колючей проволокой. В конце концов один парень, с недюжинной силой, выбил проволоку, конечно серьезно порезал себе руки. Многие стали выпрыгивать из вагона. Они побежали на холм, прямо навстречу бомбардировщикам и истребителям. Той ночью погибло человек пятьсот. Союзники убивали союзников. Одна из бессмыслиц, какие часто случались на войне. Я не выпрыгнул тогда из поезда лишь потому, что не мог найти ботинки. Я их снял, чтоб растереть отмороженные ноги.

В поезд мы сели очевидно 23 декабря. А сошли с него за день до Нового года. Неделя. Мы очень мучились от жажды. И от холода. Холод я отлично помню. В нашем вагоне были две скамьи и небольшая печка. Конечно, топить было нечем. Когда мы в конце концов прибыли, немцы были в ярости, что мы спалили их скамейки. А чего они от нас ждали? (Смеется.)

По прибытию в «Шталаг 4-Б» нам перво-наперво устроили дезинсекцию, против вшей и всяких насекомых. Я уже наслушался жутких историй про лагеря смерти, куда свозили евреев и политических заключенных. Им говорили, мол, сейчас вас ждет приятный душик. Они заходили внутрь, но из душевых насадок шел газ. И вот, нам объявляют тоже самое. (Смеется.) Мы зашли в просторное помещение, где было пятьдесят-шестьдесят душей. Я подумал, что настал конец. (Смеется.) Но вдруг, и правда, пошел приятный теплый душ. Хотя, на самом деле, ничего хорошего. Мы не мылись несколько недель. А тут распарились под горячей водой, поры открылись, а потом пришлось шагать двадцать минут до барakov. Я подхватил грипп.

Итак, бараки. Там уже сидели англичане, для которых мы были явно лишними. Они неплохо устроились. У них висели занавесочки, а большинство носили гражданскую одежду. Была налажена регулярная почтовая связь с Англией. И настоящий прачечный сервис. Грязную одежду он попросту отсылали в

Англию. Все это было несколько безумно. Правда, они сидели еще с Дюнкеркского сражения, так что у них было время обустроиться. Они завели себе комитеты по вопросам побега и комитеты по рассмотрению жалоб. Англичане постоянно строили планы побегов. Они всем заправляли.

И вот появляется толпа пленных из Арденн. Они понятия не имели, что с нами делать. Но были весьма гостеприимны, ничего не скажешь. Всем пришлось вдвое уплотниться. Коек не хватало.

Рано утром устраивали переклички. Это было уморительно. Немцам было невероятно трудно подсчитывать, сколько же человек они держат в своих бараках.

Насчет русских. Когда русского солдата брали в плен, он считался мертвым. После войны эти пленные часто не хотели возвращаться в Россию, потому что там их ждал другой лагерь, в Сибири. Считалось, что плен – это позор.

С ними обращались ужасно. Они вообще ничего не получали. И нам-то не много перепадало, но о нас заботились согласно Женевской конвенции, нами занимался Красный Крест. А им неоткуда было ждать помощи. Потому что русские не признавали Красный Крест. Немцы им почти ничего не давали. Если два-три русских ночью умирали, их все равно выносили на утреннюю перекличку и поддерживали во время подсчета пленных. Потому что количество голов означало количество мисок супа. И вот вместо трех сотен мисок они получали триста две миски. А после раздачи еды мертвецов выносили из барака.

Двадцать три заключенных из «Шталага 4Б» направили на химическую фабрику в 15 км от Дрездена. Выжить там было нелегко. Нашим основным заданием было кидать лопатами уголь, по 10-12 часов в день. Чтобы работали их огромные химические печи. И все это мы делали за тарелку репового супа и седьмую часть буханки в день. Эрзатц-брод, суррогатный хлеб. С тех пор я репу на дух не переносу. В принципе, я и до войны ее не особо жаловал. Ну а теперь-то и подавно.

Мы могли сбежать в любое время, без проблем. Но куда ты пойдешь, не зная языка? До своих – сотни километров. И у каждого немца – оружие: у почтальонов, у трамвайных кондукторов. Однажды февральской ночью было жутко холодно, наверно минус двадцать, и двое убежали. Их поймали какие-то немецкие бойскауты и избили до полусмерти. Их принесли обратно на носилках. Так что желания бежать у нас не прибавилось. *(Смеется.)*

Ночь их побега была такой холодной, что охранники и носа не

высунули, зато выпустили собаку, чтоб нас охранять. Большую злобную немецкую овчарку. Мы ее убили и съели. (*Смеется.*) У нас была маленькая печка, в которой мы и сварили этого проклятого пса. (*Смеется.*) И разыграли на картах, кому что достанется. Я получил челюсть, с несколькими зубами.

И как на вкус?

Потрясающе. Почти ростбиф. Но была одна проблема. Надо было избавиться от когтей, зубов и шкуры. Это было чертовски трудно, но мы справились. Немцы так и не смогли догадаться, куда делась их собака. Забор был метров десять высотой, да еще и с колючей проволокой наверху. Собака никак не могла его перепрыгнуть.

На фабрике работала уборщицей старая немка по имени Анна. Она всегда жалела меня и порой проносила яблоки. Зато бригадир был настоящим чудовищем. Его сын был военнопленным в Америке, а немецкая пропаганда внушила ему, что мы там истязаем его сына. Поэтому он отыгрывался. Как он издевался! Выбрал себе главной жертвой одного парня, Мерфи, который в конце концов с ума сошел.

Еще был один старикан, Альф, Альфред Винклер, мастер на все руки. Это был самый большой сачок в истории человечества. У него были тайники по всей фабрике. Постоянно раздавались крики: «Где Альф Винклер?» А потом через часик ковыляет Альф: «Меня кто-нибудь искал?» Решили дать ему помощника. Он конечно всю жизнь мечтал о помощнике ростом метр девяносто и с рыжей шевелюрой. (*Смеется.*) Я не влезал ни в один его тайник. Как же он был расстроен, бедняга! Теперь его всегда могли найти, потому что легко находили меня.

Все более-менее крепкие мужчины нужны были на фронте, в России или на западном фронте, поэтому все охранники были калеки или старики. Один старик был школьным учителем. Ему было наверно лет шестьдесят пять. И снять ружье с плеча ему было также сложно как спрыгнуть с крыши. У другого была деревянная нога. А еще один отлично говорил по-английски, а голова его была вся переделана пластической хирургией. Он приходил к нам и повторял, что мы идиоты, потому что воюем с немцами. Вместо этого нам следует объединиться и бороться с русскими.

Немцы пытались создать из союзнических пленников так называемый Легион святого Георгия. Военнопленные должны были вступать в этот легион и отправляться на восточный

фронт, чтобы сражаться с русскими. Они старались найти каких-нибудь англичан или американцев. Я не слышал, чтобы хоть кто-то на это подписался. Англичане говорили, что только полный псих может согласиться.

Это случилось, кажется, в Пасхальное воскресенье. Наша форма уже пришла в совершенную негодность, и нам дали немецкие армейские гимнастерки. Мы лежали во дворе, и вдруг откуда ни возьмись появились американские Локхиды Р-38. Они пролетели довольно низко и заметили нас в нашей немецкой форме. (*Смеется.*) Потом они вернулись и разбомбили нашу фабрику.

Через пару дней, в полночь, появился охранник. Он сказал: «Тут у местных очень мрачное настроение. Они хотят линчевать вас за то, что вы американцы». Потом сказал: «Русские уже близко. Мы предлагаем собрать вещи и двинуть к американской линии фронта». И добавил: «Теперь мы нужны вам, чтоб спасти вас от местных. А вы нужны нам, чтоб вы потом сказали американцам, что мы не так уж плохо с вами обращались». Конечно, если они попали бы в руки к русским, то все, прости-прощай.

Итак, мы вышли в путь ночью, по направлению к американцам. Потом наткнулись на группу из пятидесяти английских солдат, тоже под конвоем. На следующий день встретили тридцать или сорок французов. Потом – группу болгар. Потом – поляков. Если вначале нас было двадцать три, то вскоре уже получилась длинная колонна. В последнем приказе Гитлер потребовал убить всех пленных, но разумеется никто не собирался этого делать. Всё, Адольф Гитлер убил себя в бункере, командование перешло к адмиралу Дёницу. Его первый приказ – сохранить всех пленных, потому что это единственный повод для переговоров. И мы как сумасшедшие торопились навстречу американской линии фронта. Но когда американцы атаковали, мы отходили к русским, когда русские наступали – мы шли к американцам. Я шесть раз прошел через город Мейссен, туда-сюда. Мне уже казалось, что я неплохо там ориентируюсь. (*Смеется.*)

Мы слышали стрельбу позади. Русские были совсем-совсем близко. Немцы согнали нас на большое поле и сказали: «Никуда отсюда не уходите». Мы ответили: «Да ни в коем случае!» (*Смеется.*) Они скинули форму, одели гражданское и понеслись на велосипедах к американцам.

Итак, мы посреди Германии. Думаю, нас к тому моменту собралось уже две-три сотни. Мне было жаль немецких крестьян. Мы были как полчище термитов. Когда эта орда пленных спус-

калась с холма, крестьяне просто дар речи теряли, потому что мы съедали все что попадалось на глаза. Любой домашний скот. Сарай и заборы мы ломали, чтоб развести огонь. Там были горы картофеля, очевидно, для посадки на будущий год. Куда там! Мы проглатывали все как попкорн. (*Смеется.*) Наверно, уничтожили все запасы посевного картофеля для 1946 года.

Наконец-то мы опять были свободны. У меня была огромная лохматая рыжая борода. Конечно, грязная. Мы выглядели как пираты. И понятия не имели, что делать и куда направиться. Многие пропали, ушли небольшими группками.

Помню, как появились русские. Я был с двумя приятелями. А они ворвались в город, с криками, верхом или на мотоциклах. Все поголовно пьяные. (*Смеется.*) Ни одного не было в форме. Очень много монголов, которые и друг с другом-то не могли объяснить. Они разнесли тот город, все подчистую разрушили.

Как они вели себя с вами?

Отлично. Подошли к нам, дали оружие. Сказали: «Поехали. Может, еще найдем этих охранников!» Думаю, кого-то они и догнали, наверно самых медлительных. Я ответил: «Ну, мне не особенно хочется за ними гнаться. Сейчас главное – это поесть». И мы втроем ушли.

В основном все двинулись к американцам, чтобы вернуться. Мы в общем-то тоже. Но мы не спешили, хотелось расслабиться. Например, выходили на дорогу и останавливали какого-нибудь немца на «Фольксвагене». У нас было оружие, так что мы легко отбирали машину и мчались на ней, пока бензин не кончится. А потом поджигали ее. (*Смеется.*)

Или находили какой-нибудь дом. Стучались. Выгоняли хозяев и съедали все, что могли найти. Если люди вели себя хорошо, мы спокойно уходили. Если нет – поджигали дом. Вот такими мы были негодяями.

7 мая мы сидели в сарае, когда вдруг прибежала симпатичная девочка со светло-жёлтыми косами и сказала: «Der Krieg ist über». Война закончилась. Я сказал ей: «Да ну тебя, малявка, иди-ка ты домой». Я ей не поверил. Но война и в самом деле кончилась.

Мы ожидали отправки домой. И с двумя приятелями забрались в какой-то дом. Пустой, но в довольно хорошем состоянии. Легли на полу в спальных мешках. У меня был «браунинг». Вот, мы лежим, и вдруг я слышу, как дверь со скрипом открывается.

Я напрягся и вынул пистолет. Уже был готов выстрелить, как вдруг заметил свет фонарика, как-то странно низко над полом. Я крикнул: «Кто здесь?» И это оказался мальчишка лет шести. Я немного говорил по-немецки и кое-как спросил, чего ему надо. Он ответил: «Моего мишку». Он раньше жил там. А я чуть не застрелил его.

Нас переправили в лагерь Лаки Страйк во Франции. Там были такие огромные лагеря для бывших заключенных, возвращавшихся на родину. Бесконечные ряды палаток, тысячи и тысячи освобожденных военнопленных. Нам сказали, что кто хочет может взять часть оплаты и двухнедельный отпуск и съездить в Лондон. Мы с приятелями на это подписались. Потом нам удалось вернуться в Штаты на госпитальном судне, мы устроились в кухонную команду, потому что все пассажиры там были лежачими.

Так мы попали в лагерь Шэнкс. Там на кухне работали немецкие военнопленные. И вот мы стоим в очереди у раздаточной, и крупный парень передо мной, десантник, просит два пакета молока. Ну, вы знаете эти немецкие армейские мозги. Им сказано: один пакет в руки. Вот немец и отвечает: «Нет!» (*Смеется.*) Тут все как накинудись на немцев. Отколодили их крепко. На следующий день на кухне стояли японцы из нисейского батальона, которые отлично сражались в Италии. В Шэнкс их привезли передохнуть. Они и стали теперь работать на кухне.

Нам дали увольнительную на шестьдесят дней, чтоб съездить домой. Мне выдали кучу денег: и весь прошлый заработок, и репатриационные деньги. Правительство Германии заплатило мне около 350 долларов за наручные часы и всякие вещи, которые были у меня украдены. Когда увольнительная кончилась, меня направили в Хот Спрингс, на источники, для отдыха и реабилитации. Массаж, ванны, все на свете. Городок, конечно, скучный, но меня тогда это вполне устраивало.

Затем я получил направление в Форт-Лоутон недалеко от Сиэтла. Нас готовили для вторжения в Японию. Мы сидели на пирсе, натачивали штыки, когда Гарри сбросил свою прекрасную бомбу. Самая отличная штука, которая могла случиться. Это вам подтвердит любой, кто сидел тогда на пирсе.

Меня уговаривали поступить на сверхсрочную службу. Предлагали главного сержанта, а это самая высокооплачиваемая сержантская ставка. Сколько мне было – двадцать лет? Я мог бы выйти на пенсию уже в тридцать семь. Я серьезно об этом раз-

думывал. Посоветовался с мамой. Но она сказала: «Выбрось из головы. Я записала тебя в колледж Нотр-Дам».

Закон о льготах демобилизованным изменил для меня все на свете. Раньше я не мог и мечтать о колледже. Не знаю, может я стал бы «синим воротничком». Но уж точно не тем, кто я сейчас.

Когда я вспоминаю войну, несмотря даже на реально плохие моменты, я все-таки считаю, что это был самый волнующий опыт моей жизни. Как это верно сказал один персонаж из «Терри и пиратов»: «Мы сыграли последнюю сцену в первой серии». Я считаю, что тогда, в молодости, была кульминация всей жизни. А все, что случилось после, это уже спад, разочарование.ⁱ

i Book I. 1.2. A chance encounter. Richard M. (Red) Prendergast Пер А. Чередниченко.

Жак РАБУ

Он был приходским священником во Франции и Соединенных Штатах с 1951 по 1964 гг. Оставил службу, потому что «мне не нравились изменения в литургии. В религии я консерватор, в политике – либерал». Через месяц он возвращается в Церковь.

В 40-м, тогда мы уже знали, что проигрываем битву. Немцы продвигались к Парижу очень быстро. Моя мать паковала чемоданы – мы собирались уехать в Брест. У ее семьи там было кафе. Мой отец был во французской армии. Мне было шестнадцать.

Мы прибыли в Брест через три дня, как покинули Париж. По дороге были налеты немецкой авиации. Пикируя, самолеты расстреливали поезд, надо было прятаться под вагонами. Три дня после перемирияⁱ – уже итальянцы расстреливали из пулеметов всех гражданских на дороге. Многие там и остались. Некоторые женщины своими телами прикрывали детей, чтобы тех не достала пуля.

Мой отец остался в Париже – на поезде не хватило места. С моей стороны было глупо ехать в Брест – мы добрались туда вместе с немцами. Я вернулся в Париж. Это было уже петэновское время. Отец тоже вернулся туда. Был в немецком плену, ему за сорок, чахотка – Красный Крест отослал его обратно. Моя мать была моделью у Жана Ланвана.

Отец покупал еду на черном рынке – он работал на «Пежо» и что-то зарабатывал. Соседи были обычные, как везде. Где-то половина были готовы бороться за освобождение. Процентом 35 сказали бы, что поделаться – они здесь, надо приспособливаться. И были остальные, кто реально сотрудничал с нацистами.

Отец с кем-то встречался, говорил о сопротивлении. Они собирались по домам друг у друга, вели беседы: что мы можем сделать, чтобы выпереть немцев? О да, мы знали кто именно в округе замешан в сотрудничестве. (*Смеется.*) Мы знали, кому доверять. Я им сказал, что могу быть полезен. Мне исполнилось 17. Я поговорил с несколькими друзьями в школе – мы присоединились к нашим отцам.

ⁱ Это было вскоре после того, как немецкая армия прорвала линию Мажино, во время так называемой «странной войны» (“the phony war”). Перемирие было подписано в Компьене, где немцы признали свое поражение в Первой мировой войне.

У одного члена Сопротивления была ферма в 20 километрах от Парижа. Однажды в дверь постучали – англичанин, застрявший за линией фронта. Мы искали таких, чтобы помочь – прятали их, давали гражданскую одежду, переправляли в Испанию, Португалию, Англию, и обратно – работать со «Свободной Францией» (Free French).

У меня был велосипед, а документы (*переходит на шепот*) я прятал в нососе. Это было опасно. На другой стороне улицы у нас было несколько еврейских друзей. Отца арестовали. Дочь и ее муж не могли выбраться из Парижа. Мы надели на них береты и вывезли в Тулузу, к испанской границе, переброшили в «Свободную Францию». С 41-го по 43-й мы вывезли сорок три семьи.

В своих недавних воспоминаниях Джон Ховард Гриффин пишет: «Мне было 20, я работал ассистентом в психбольнице в Туре (Asylum of Tours). Когда началась война... меня сразу отозвали обратно в США. Ехать я отказался – Франция была важна для меня, здесь я стал самим собой. Как я мог оставить ее в это время нужды?»

... я связался с французским подпольем, вывозил евреев из Германии через Францию в Англию. Мы использовали психиатрические неотложки – засовывали беженцев в смиренные рубашки и так их перевозили. Говорить им было не нужно. Многие из них по-французски и не говорили. Ни пропусков, ни паспортов у них, конечно, не было. Ни воровать, ни подделывать документы мы не умели. В этих вопросах мы были как дети, но все равно делали все возможное.

Кругом были нацисты. Эти сцены будут вечно преследовать меня. Мы прятали этих людей в специальных комнатах.

Родителям с детьми младше пятнадцати мы должны были сказать, что не сможем сделать это. Внезапно мне открылась двойная реальность. С одной стороны, родители говорят: Нам конец. Вывезите наших детей. – Детей до пятнадцати мы могли вывозить без документов. И вот, ты сидишь там и понимаешь, что родители-то отдавали детей в руки незнакомцев. С другой стороны, я мог спуститься вниз на улицу и тут же встретить абсолютно порядочных людей, с легкостью способных пускаться в обоснования расизма. Мне кажется, если мы не способны увидеть эти вещи изнутри таких комнат, – мы не способны в них разобраться вовсе».ⁱ

Одного из моих друзей арестовали. Глупейшим образом. Он начал спорить с немецким парнем и ударил его. Его арестовали и нашли при нем документы. Доставили в гестапо, пытали. Он назвал имена. Как-то, уже ночью, отец был в отъезде, звонок в дверь – трое в кожаных плащах. С первого взгляда я понял, откуда они.

ⁱ American Dreams: Lost and Found (New York: Pantheon Books, 1980) pp.282-83.

Спросили про моего отца. Я ответил, что он в отъезде. Они сказали, «знаешь ли ты Анри Дюваля?» Я сказал – да, он – друг. «Знаешь, где он? – Нет». Потом они стали перечислять мне все имена моих друзей. Они сказали – «пойдем с нами». Толкнули меня к выходу. Я сказал – «дайте хоть куртку одеть». Они – «и так нормально». Один из них выпотрошил все ящики. Мать причитала. Они не нашли ничего, потому что все документы отец взял с собой. Он тогда вывозил одну еврейскую семью.

Четыре дня и четыре ночи меня продержали в тюрьме. Допросы следовали один за другим. Били до черных синяков – шлангом по мышцам. В камере нас было шестеро. Один парень сказал (*переходит на шепот*) – «не болтай, малый в углу – из Эльзаса, он информатор».

Меня засунули в поезд и отправили в Германию. Это был лагерь принудительного труда в Делменхорсте. То был 43-й год. Своей матери я не увижу до своего освобождения в 45-м. После бомбежек союзников оставались кучи щебня и трупов. Мы должны были убирать их.

Мы возились в траншеях, стараясь восстановить водопровод. Туда-сюда прохаживались эсэсовцы, на винтовках – штыки. А тут, совсем рядом, стоит немец средних лет – смотрит в витрину фотомагазина. В руке у него большой сверток. Не оборачиваясь он обращается к нам по-французски. Он говорит – «парни, мне очень жаль, что с вами так обращаются. Во время Первой мировой я был военнопленным во Франции. И люди с фермы обращались со мной очень хорошо. Они кормили меня, никогда не забуду это. Я буду приходить сюда каждый день и приносить вам еду». Как только эсэсовец отвернулся, он бросил свой пакет к нам в траншею. Он приходил три дня и приносил еду. А мы были очень, очень голодны. Я буду всегда помнить этого человека.

Они развозили людей куда им было нужно. Меня послали в Силезию, к польской границе. Соляные копи. Это была непрерывная работа – с пяти тридцати утра до семи вечера. На еду – пятнадцать минут. Хлеб с опилками – все равно что дерево. Я тяжело заболел. Многие вокруг умирали – на моих глазах. Когда меня освободили, доктор сказал – хорошо, что раньше ты нормально питался, иначе тоже был бы мертвым.

В 44-м мы должны были эвакуироваться из-за наступления русской армии. Они послали нас в Рурскую область. Бомбежки союзников разрушили водопровод в лагере. Посреди зимы мы должны были ходить за водой к помпе. Мы даже могли рассмот-

реть лица пилотов «спитфайеров», когда они пикировали на нас с пулеметным огнем.

Били нас постоянно. Нас было 12 в камере. В углу – бак для нечистот. Когда кормят одним супом, приходится опорожняться очень часто. В пять утра эсэсовец открывал дверь и орал (*кричит*) – «Schnell, schnell, schnell! Raus!» Чтобы оправиться давали три минуты. Мы должны были захватывать с собой и бак, чтобы опорожнить его. Он был очень тяжелый. А двигаться нужно было быстро, быстро, быстро. Последний в цепочке всегда получал от эсэсовца шлангом по спине. Мы менялись – каждый по очереди шел последним, раз в двенадцать дней.

И вот мой черед. Боже мой, как бы отделаться малым? Появилась идея. Несу бак не перед собой, а за спиной. И вместо того чтобы огреть шлангом меня эсэсовец, оттягивается по баку. А он такой тяжелый и опрокидывается на него – он весь в нечистотах. (*смеется*)

Меня избили так, что четыре дня я не мог выходить на работу. Это было худшее время в моей жизни. Они заставили меня работать. Как я не умер – сам не понимаю. Добираемся с работы до дома, чуть не падаем, а они заставляют нас еще делать упражнения, голыми. Идет снег, очень холодно. У одного из эсэсовцев – свисток. Каждый раз, когда он свистит, мы должны делать кувры на снегу.

А у одного из моих друзей была астма. После 12 или 13 кругов вокруг лагеря он уже не мог дышать. Он должен был остановиться. Подходит эсэсовец: «Пошел, пошел!» А он не может. Он сидит на снегу, а они бьют его и бьют. Потом они решили, что для них стало слишком холодно, и ушли, а он остался на снегу умирать. Мы слышали его стоны всю ночь. Такое запоминается навсегда. (*его голос ломается*) У меня такое впечатление, что я все еще их слышу. Если бы мы могли – убили бы всех эсэсовцев. Мы знали, что он умирает, но ничего не могли сделать. (*вскликивает*)

Единственное, о чем мы думали – это о еде. Немцы действовали умно. Делали все возможное, чтобы заставить нас страдать. Но никогда не достаточно, чтобы дать нам умереть от недоедания. Давали ровно столько, чтобы мы выживали. Я был настолько слаб, что когда ронял что-то на пол, то поднимал потом минут пять.

Единственное, чем мы могли заняться в камере – это говорить. О еде, еде, еде, еде, еде. О, когда я вернусь во Францию, попрошу мать приготовить свиных отбивных. Мы чуть ли ни обоняли запах этой свинины.

Те, кто отчаивался, кто говорил «это – конец», – все они умирали. Они давали себе уйти. Люди, которые говорили «я вернусь домой», – они вернулись.

В лагере на принудительных работах были и итальянские солдаты, против всех установлений Красного Креста. Они были очень религиозными, носили разные медальоны и четки. Во время авианалетов союзников они молились. Бомбежки были ужасными. Земля сотрясалась, обрушивалась на нас, проникала сквозь кожу. (*показывает шрамы*) Когда я вернулся, мне пришлось делать операцию, чтобы вытащить этот гравий.

Бомбы всегда падали сериями, по семь штук. Однажды я запрыгнул в траншею на спину одного из этих итальянцев. (*смеется*) На нем была очень плотная шинель. И каждый раз, когда падала бомба, зубами я впивался в его шинель. Потом она вся оказалась просто изжевана. Страх делает тебя очень сильным.

Там были люди из самых разных стран. Из Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании. Единственно, кого мы опасались, или, как это сказать, к кому были настороже – это были поляки, эстонцы и литовцы. Немцы использовали их как надсмотрщиков. Когда русская армия вошла в Польшу, немцы выдали им униформу и некоторые из них вступили в СС.

На тот момент большая часть Германии уже сдалась. Мы же оставались в таком гнезде сопротивления. Американцы были с одной стороны, русские с другой. Нас освободили 5 мая 1945 года. За три дня до Дня победы (V-E Day).

Веса тогда во мне оставалось килограмм 35. Во время бомбежек убило корову. Зимой она оставалась прикрыта снегом, а когда, где-то в марте, он стал подтаивать, корову стало видно. Мы ее съели. Я заболел дизентерией.

5 мая американцы окружили лагерь и охранники не смогли сбежать. Я тогда был в лагере. Ходить я был не в состоянии, но внутренне был счастлив. Если бы у меня только были силы приветствовать американцев!

Был среди них капитан. Он посмотрел на все это. Я запомнил его взгляд. (*плачет*) Он сказал: «Как это возможно? Что они делали с вами?» Люди выглядели такими истощенными, словно они сидели в концлагере. Мои ребра пересчитать можно было. Он был просто в ужасе.

Всех эсэсовцев схватили. Они стояли с руками за головой. Капитан сказал нам: «Я тут отлучусь ненадолго. Даю вам два часа. Делайте с ними что хотите. Я ничего не видел».

Я – человек очень мирный. Никому боль причинить не могу. Но в тот день – смог. Вся ненависть собралась тогда. Три года принудительного труда. Я сказал конкретно одному эсэсовцу: «Ты заставил меня страдать – теперь твой черед. У меня только два часа, но ты получишь свое». А сил у меня нет. (*смеется*) Я взял камень и резанул ему по уху. Оно висит-болтается. Мне хватило силы сделать это. Другие делали вещи более ужасные.

Начальника лагеря, подполковника, его взяли и бросили в уборную. Он был по пояс в экскрементах. Они дали ему стакан и сказали вычистить ее. Затем собрали всех их в кучу и закидали камнями. Сделали из них кровавое месиво. Рубцы, должно быть, остались по сей день, если они живы.

На носилках, чуть ли ни в коме, меня доставили в военный госпиталь в Париж. Питали меня внутривенно. Моя мать и тетка пришли навестить меня. Стали готовить мои похороны. Тетка спрашивала у матери: «В каком облачении ты собираешься его хоронить?» Но через три месяца все было нормально. Я сказал себе – если поправлюсь, сделаю что-то в благодарность Господу за дары Его мне. Я получил свободу, был жив и находился в Лурде. Я решил стать священником.

Разобраться в войне очень трудно. Если отвечать ненавистью на ненависть – она никогда не кончится. Для моего поколения сложно вычеркнуть ее из памяти.

Очень часто ты слышишь голос того или иного немца: «Мы не знали!» Но кто позволил нацистам заполучить власть? И когда Гитлер захватывал Францию, захватывал Европу, они были очень, очень счастливы. В Делменхорсте у нас были эти охранники – женатые, с детьми. Не надо мне говорить, что когда они возвращались домой, то не говорили о том, что происходит. Жители Делменхорста проделывали свой воскресный променад вокруг нашего лагеря. Они разглядывали нас, как животных в зоопарке.

Это что-то уникально немецкое?

Это нечто человеческое. Такое случалось и раньше. Испанцы во время Инквизиции во имя Господне уничтожили целый народ. А как насчет альбигойцев? И это может произойти снова. Все мы – хорошие люди, но если нас завести слишком далеко, мы начинаем верить во что угодно. Мы – обычные люди, которые также могут оказываться оружием для злобных гитлеров.ⁱ

ⁱ Book IV. 4.1. Crime and Punishment. Jacques Raboud Пер. О. Никифорова.

Адмирал Джин ЛЯ РОК

Контр-адмирал ВМС США в отставке, он является директором Центра оборонной информации. «Мы приглашаем за тем, как Пентагон тратит деньги. Мы – это группа военных офицеров в отставке, пытающихся сдержать растущее влияние милитаристов и промышленников, чтобы гражданские также могли что-то решать»ⁱ. Он проработал в Пентагоне семь лет и еще семь лет читал лекции в военных колледжах. «Одно время я был помощником директора по стратегическому планированию – лучше работы и не придумаешь. После этого я мог сделать что угодно – получить три звезды, четыре. Я удивлен, что они сделали меня адмиралом. Я не хотел им быть».

Я вырос в Иллинойсе, в маленьком городке на Канкаки Ривер. В бойскаутах был отличником. Хоть сам – метр с кепкой, получил три медали. Хотел попасть в программу подготовки офицеров запаса (ROTC). В 1936, в самый разгар Депрессии, понял, как это сделать. Как-то летом, мы строили дорогу, увидел рекламу: *Вступай во Флот. Одномесячный круиз в Панаму и на Кубу. Все оплачено.*

Они погрузили нас, три сотни юнцов из колледжа, на старый броненосец, *Арканзас*. Надели на нас матросскую униформу, бескозырки с синей ленточкой. И вот, высаживаемся на берег. Мы то были уверены, что управимся с местными девчонками гораздо лучше, чем срочнослужащие, но потерпели полный провал. – Срочники с корабля сказали всем панамским девчонкам, что синяя ленточка на бескозырке значит, что у нас гонорей.

Он получил офицерское звание по окончанию военно-морского училища при Северо-Западном университете. За отличие в обучении, один из всех 1200 учащихся, получил наградную саблю. Был зачислен в ВМС лейтенантом.

Летом 41-го я попросил, чтобы меня отправили в Перл-Харбор. Там базировался наш Тихоокеанский флот и это звучало романтично. Я был прикомандирован на «МакДонаф»

ⁱ Уйдя в отставку в 1972 г., Gene R. La Rocque (род. 1918) создал Центр оборонной информации (Center for Defense Information (CDI), объединяющий усилия группы ученых и высших военных офицеров в отставке по критическому анализу политики обороны и безопасности США (см.: www.cdi.org)).

(U.S.S. *MacDonagh*), когда атаковали японцы. Где-то в 10 утра мы отправились в рейд на поиск кораблей японского флота. Нам повезло, что мы не нашли их – скорее всего, они бы нас потопили. Всю войну, все четыре года, я провел на Тихом океане.

Сперва я подумал, что это американские ВВС по ошибке бомбят нас. Настолько мы были горделивы, тщеславны и невежественны относительно способностей японцев. Мы даже представить себе не могли, что у них хватит смелости атаковать нас. Мы считали, что японцы плохо видят, особенно ночью – принимали это за факт. Думали, что они не в состоянии создать путное вооружение, что вся техника у них старье, скопированное у нас. Что нам следует только добраться до них, чтобы пустить их ко дну. Оказалось же, что видят они лучше нас и что их торпеды, в отличие от наших, работают.

Мы думали о них как о маленьких коричневых людишках, считая себя великими белыми людьми. Как если бы они принадлежали низшему виду. О немцах было хорошо известно, что они замечательные воины и строители, тогда как к японцам относились как к слабакам. Мы сбросили атомную бомбу на этих маленьких коричневых людишек. Мы подумывали о том, чтобы использовать ее и во Вьетнаме. Мы собирались использовать военную силу, чтобы заполучить нашу нефть на Среднем Востоке у еще одних своего рода темнокожих. Хотя я никогда не слышал, чтобы мы задействовали армию для получения нашей нефти из Канады. Мы по-прежнему считаем себя великой сверхрасой.

Потребовалось немало времени, чтобы осознать, насколько хороши эти парни. Мы не могли в это поверить. Как-то мы высадились на только что захваченный юготихоокеанский атолл. В гавани еще стояло несколько японских кораблей. И мы наткнулись на пару японцев, которые просто повесились у нас на глазах, чтобы не попасть в плен. Мы ненавидели их во время войны. Для нас они были япсы, недочеловеки.

Я ненавидел скуку этих четырех лет на Тихом – при том что участвовал в 13 сражениях, потопил подлодку и был первым кто высадился на берег в Рои. По ходу этих четырех лет я думал: что за чудовищная потрава человеческой жизни! Я потерял много друзей. В мои задачи входило информирование родителей тех, кто воевал со мной, о наших последних днях вместе. Тебе отрывают конечность, ты лишаешься зрения, части своей жизни – и ради чего? Просто, старики посылают молодых на войну. Флаги, транспаранты да патриотические речевки.

Я оставался на флоте, потому что верил, что Соединенные Штаты смогут действительно сделать мир безопасным для демократии. Уже потом я ездил по средним школам в своей униформе, чтобы рассказать ребятам, что считаю войну глупым делом, чтобы они не попадались на всю эту трескучую болтовню о мужестве, героизме и красоте войны, которой полно и в стихах, и в романах, и в кино. Я говорил им, что это печальное и отвратительное занятие.

После войны мы были самой могущественной нацией в мире. Наши кладовые были полны. Мы наслаждались своей крутизной. Управляли всем миром. Мы были единственной крупной страной, которой не коснулась разруха. Франция, Англия, Италия, Германия – всем им досталось. Советский Союз, наш большой союзник, стоял на коленях. Двадцать миллионов мертвых.

Наше положение в мире было уникальным – 30 миллионов ветеранов войны. И мы – единственная в мире страна, которая не переставала воевать с 1940 года. Посчитайте войны – Корея, Вьетнам, посчитайте годы. Мы поставили на вершину нашего государства группу стариков, считающих военную службу благородным приключением. Это был волнительнейший период их жизни и они хотели бы, чтобы молодые люди пошли по их пути и разделили этот будоражащий опыт вместе с ними. В этом мы уникальны.

Причем мы всегда отправляемся куда-то еще, чтобы воевать наши войны, так что на деле мы никогда не извлекаем уроки из ужаса войны. 70 процентов нашего военного бюджета идет на ведение войны «где-то там».

Мы наделили милитаризм законным статусом. Это стало результатом Второй мировой войны. В 1947 году был принят Акт Национальной безопасности. До 47-го вы не найдете этот термин – *национальная безопасность* – ни в какой литературе. На этом основании был создан Департамент Обороны. До этого, когда ты получал деньги для Военного Департамента, то знал – они предназначены для ведения войны, с этим было все ясно. Теперь же они адресуются Департаменту Обороны. И, конечно же, – все за оборону. Иначе скажут, что ты не патриот. Так что денежные запросы теперь могут быть беспредельными. Они заловили в эту ловушку всех христиан: право на самооборону. Даже такую тему, как «справедливая война», можно завернуть в эту упаковку.

Раньше мы никогда не имели такой вещи, как

Объединенный комитет начальников штабов. Во время Второй мировой то было свободным объединением и никогда – особым учреждением. Совет по Национальной безопасности дал нам это. Он дал нам ЦРУ, которое может шпионить за нами прямо сейчас. Впервые в истории человечества одна страна подразделила весь мир на военные районы. Никакая нация в истории не делала это ни до, ни после. Они имеют военные решения для любого события, где бы оно не происходило. Они разрабатывают «чрезвычайные планы» (contingency plans) – их эвфемизм для «военных планов». У генерала Берни Роджерса¹ есть и разведка, и снабженцы, и самолеты, и люди, и международный штаб. Нет ни одного посла США в Европе, кто мог бы принять какое-либо значительное решение, предварительно не получив добро на это у Берни Роджерса. Он самый важный человек в Европе, и это его пожизненная должность. Уволить его ты не можешь.

Наша военщина управляет нашей внешней политикой. Государственный Департамент просто работает на подхвате, подчищая тот бардак, что оставляют после себя военные. Госдеп стал лакеем Пентагона. До Второй Мировой такого не было никогда. У тебя был Военный Департамент и был Департамент ВМС. И на сцену они выходили лишь в случае возникновения войны. Ключевой контроль всегда оставался за гражданскими. Все это изменила Вторая Мировая.

Я не думаю, что сам я изменился. Я был хорошим капитаном корабля. Жестким парнем. Я работал как черт, чтобы мой корабль и мои люди были лучшими. Я любил море и до сих пор люблю. Думаю, изменились Соединенные Штаты. Они отступили от идеи разрешения разногласий мирными средствами. После Второй Мировой мы стали использовать военную силу, чтобы получить то, что мы хотим, где бы то ни было в мире. В этом – вся военщина. Не так давно Пентагон с гордостью заявил, что со времени Второй мировой войны США 215 раз использовали военную силу для достижения своих международных задач. Пентагону нравится это – использовать военную силу для осуществления нашей национальной воли. А теперь, к тому же, имеется и атомное оружие.

Атомное вооружение стало конвенциональным. Мы на полном серьезе рассматривали возможность его применения во Вьетнаме. Тогда я сам был в Пентагоне, пытаюсь решить, к ка-

¹ Bernard William Rogers (1921–2008) возглавлял Штаб Армии США в 1976–79 гг., а затем был верховным главнокомандующим объединенных сил НАТО в Европе (NATO's Supreme Allied Commander, Europe) (1979–1987).

ким целям его применить. Поверьте мне, мы рассматривали все возможные способы выиграть ту войну. И нам не было дела до того бесчестья, что навлекло бы на нас использование атомного оружия.

Я был во Вьетнаме. Я видел эту бессмысленную потраву человеческих жизней. Я видел эти команды морпехов, спускавшихся с аэрокондиционированного корабля. Нашим матросам, солдатам, морпехам ни в чем не отказывали. Мы отправляли их на берег, этих полных энтузиазма крепко сбитых и хорошо выглядящих девятнадцатилетних пацанов и потом грузили их обратно в черных резиновых мешках для трупов. Случалось, что оставались какие-то мелкие бесхозные части, какие-то кишки и конечности. Тогда брали пожарный шланг и смывали все это мессиво за борт.

Сам я пошел воевать во Вьетнам добровольно. Я не задавался вопросом, был ли в этом какой национальный интерес. Там была война, а я был действующий офицер ВМС. Надеюсь, что с возрастом мы становимся умнее.

Возможно, вы скажете, что Вторая Мировая была той войной, что следовало воевать. Гитлера надо было остановить. К несчастью, мы без изменений перенесли эту установку на сегодняшнюю ситуацию. На Второй Мировой я встречался с несколькими русскими, офицерами с кораблей. По мне, так они выглядели вполне человеческими. До этого меня распропагандировали так, что я пылал ненавистью к японцам. Здесь же я не понимал, чего ради я должен ненавидеть этих русских, которые, я знал, героически бились на Второй Мировой.

Наверное, они хотят быть принятыми как мировая держава и, возможно, распространить свое господство на весь мир. И считаю, что мы должны противостоять коммунизму, где бы он ни проявлялся. Но пытаться остановить его пушками – наша ошибка. Это только отталкивает от нас те народы, которые мы хотим привлечь на нашу сторону. На деле, русские имеют влияние лишь в буферных зонах вокруг своей страны. В других странах они потерпели фиаско. Но доводы против «русского медведя» определяют буквально все, что мы делаем. Просто поразительно, сколь долго мне и моему поколению насаждали ненависть к русским. Начиная с того времени, когда я даже не знал, откуда они вообще. Помню, когда мне было тринадцать, у меня была книга из серии походов Томаса Свифта: *Остерегайся русского медведя*.

Вторая Мировая война задала то искаженное видение, которым мы до сих пор смотрим на мир. Мы видим вещи через рамку той войны, которая в определенном смысле была хорошей войной. Но искаженная память о ней побуждает людей моего поколения желать, чуть ли ни жаждать, использовать военную силу повсюду в мире.

Где-то еще лет двадцать после войны я не мог смотреть никаких фильмов о Второй Мировой. Они возвращали воспоминания, которые я не хотел держать в памяти. Меня коробило от того, как они восхваляют войну. Во всех этих фильмах людей в их одеждах подбрасывает вверх взрывом, а потом они изящно падают на землю. Чтобы кого-нибудь разорвало на части – ты этого не видишь. Не видишь ни оторванных рук и ног, ни покалеченных тел. Тебе показывают лишь продизенфицированный, чистенький и аккуратный способ славной гибели. Ненавижу, когда они говорят «Он отдал свою жизнь за свою страну». Никто не отдает свою жизнь ни за что. Мы крадем жизни этих ребят. Мы забираем у них жизнь. Они не умирают за честь и славу своей страны. Мы убиваем их.

Где-то три недели назад я был в Шампани, Иллинойс, и зашел в церковь. Прямо перед алтарем там установлена мемориальная доска: *В честь всех тех, кто погиб, был ранен и воевал на Второй Мировой войне*. На левой ее стороне выбито: *За Бога*. На правой – *За Страну*. Мы сделали из войны религиозное свершение. А ведь где-то в Библии говорится: отдавай цезарю цезарево, а Богу – Богово. Что же с нами случилось?ⁱ

i 2.1. High Rank //Admiral Gene LaRocque. Пер. О. Никифорова.